

ворки автора, то в итоге напрашивался бы вывод о приходе потомственного дворянства в лице В.И. Ленина, Г.В. Чичерина и др. к власти в октябре 1917 г.). Между тем, если вспомнить о задолженности помещичьих имений в середине XIX в., то роль государства будет восприниматься иначе: правительство всеми силами стремилось сделать вид, будто поместья все еще принадлежат своим владельцам и тем по сути спасало их. Объявление же вещей своими именами разом лишило бы помещиков и земли, и в среднем более 65 % крестьян. Поэтому дворянство в целом не сопротивлялось реформе 1861 г., а лишь пассивно следовало за инициативой правительства.

Конечно, в работе присутствуют и другие ошибки, в том числе свойственные иностранным авторам и их переводам – например, Олонцу был придан статус административного центра Олонецкой губернии вместо Петрозаводска (стр.31), графский род Шереметевых периодически путается с Шереметьевыми, и т.д. Имеются и логические несуразности – если первоначально автор говорит о лишении дворянства в 1860-х гг. традиционной общественной роли и правовых привилегий (стр.82), то в последующих главах именно их он и рассматривает.

Таким образом, русское издание монографии С.Беккера представляет несомненный интерес как образец эволюции западной историографии в изучении истории российского дворянства. Преодолевая собственные стереотипы, историки оперируют значительным комплексом опубликованных и частично архивных источников, создавая эпическую картину перерождения первого сословия России. Отрадно, что во многом это стало возможным благодаря трудам отечественных специалистов.

Н.А. Симбирцева (Екатеринбург)

Личностное измерение истории (на примере писателя А.П. Ромашова)

История представляет собой явление, которое неразрывно связано с индивидами и не может быть до конца отделена от них. И конкретика имеет для историка существенное значение. В литературе синтез истории и антропологии протекает достаточно органично, если и то, и другое представляют собой равнозначные явления с точки зрения художественного осмысления действительности. Историко-культурный контекст предельно важен для писателя не только как объект его творчества, но и как фактор, повлиявший на авторский выбор в плане постановки проблемы, развития конфликта и содержательной наполненности произведения. Интерпретация отобранного автором «жизненного материала» в характерной только для него манере определяет его творческую индивидуальность писателя и выделяет его среди других творческих людей и писателей.

Практически нет ни одного исследования, которое бы всецело охватывало как творческую индивидуальность Андрея Павловича Ромашова – писателя (1926 – 1995), так и содержало бы глубокий, проникновенный анализ его текстов. До сегодняшнего момента целостно не структурирован материал, касающийся биографической справки о жизни и творческом пути А.П. Ромашова. Как правило, биографическими фактами В.П. Лукьянин, Л.М. Слобожанинова, А.П. Комлев сопровождают анализ произведений в жанре эссе или очерка. Значительную ценность представляют собственно воспоминания жены А.П. Ромашова – Любви Израилевны Басиной относительно формирования его творческой индивидуальности и становления каждой повести в процессе творческого поиска в разработке конфликтов произведений, соотнесение с жизненными перипетиями.

Феномену прозы Ромашова уделено гораздо меньше внимания, чем другим писателям его времени (например, В. Астафьеву, С. Залыгину, Г. Коновалову и т. д.). Среди своих современников (В. Астафьева, С. Залыгина, Г. Коновалова и т. д.) А.П. Ромашов не выделяется количеством написанных произведений (их немного: «Раннее утро», «Лесные всадники», «Земля для всех», «Первый снег», «Одолень-трава», «Осташа – скоморох», «Ярость»). Произведения писателя А.П. Ромашова выделяются самобытностью в рамках современного культурного пространства региона и художественно значимы по решению поставленных в них проблем в литературном контексте. Автор не ставил перед собой прямой цели – оставить после себя большое литературное наследие. Все его творчество – это поиск ответов на внутренне личностные вопросы, это его рефлексия на окружающую действительность не только в пределах собственного бытия и современной локальной культуры, но и на проблемы в контексте большого Времени.

Проблемы, связанные с историей, интересовали Ромашова «изнутри» – с точки зрения их преломления в человеческой душе, с точки зрения их влияния на личность, на индивидуальность, на национальный менталитет. Проблема личной ответственности за совершаемые действия в истории представлена во всех повестях Ромашова, материалом которых становится культура, быт и история уральской глубинки. Соотношение общеисторического и индивидуального составляет главный конфликт этих произведений.

В силу своего характера Ромашову важно было показать не только проблему «простого человека» в его связях с народной жизнью, но и тонкий душевный процесс. Герои его повестей – всегда мудрые, умные, мыслящие, чутко воспринимающие происходящее и реагирующие на нее не буйно и эмоционально бурно, но внешне спокойно. Весь мир преломляется в их сознании и проверяется в процессе их душевной и духовной работы.

Стремление Ромашова углубиться в исторический процесс определяет специфику творческой избирательности в области тем и проблематики к произведениям. Всестороннее исследование и изучение событий изображаемой эпохи дает автору все основания серьезно заявить о насущной во все времена проблеме – проблеме взаимоотношения Человека и Истории. Ромашов не выдумывал исторический колорит для сюжетов повестей. Он вместе со своими героями жил в образе истории – в том пространственно-временном континууме, о котором писал.

Изучив проблему в различных аспектах (с точки зрения историка, с точки зрения философа, этнографа, социолога), Ромашов мог позволить себе выйти на историко-философский уровень писательского мастерства. Посредством произведения А. П. Ромашов стремился представить читателю жизненную истину, не морализируя, а обыграв ее художественно, сделав ее доступной не только разуму, но и сердцу.

Как правило, Ромашов использовал региональный материал при написании своих повестей по нескольким понятным причинам. Во-первых, близкие окружающие среда и обстоятельства были внутренне понятны автору. Он был человеком близкой ему культуры, внутри которой он рос, воспитывался и получал образование. Во-вторых, для человека, являющегося по складу характера глубоким наблюдателем действительности, самостоятельно провести анализ исторических закономерностей на конкретных близлежащих фактах – определяет внутреннюю потребность творческой личности. В-третьих, знание повседневной и современной для автора культуры и творческое владение материалом дает ему возможность на конкретных и близких примерах художественно изложить читателю той же локальной культуры собственное понимание общеполитической проблемы.

Преимущество писателя – историка перед собственно историком заключается в том, что в его воле – излагать последовательность событий в их взаимосвязи и обусловленности, чередуя с описанием культурного контекста, и выдвигать на первый план историческую или культурную составляющую в зависимости от того, что более выигрышно для воплощения и выражения авторского замысла.

Знания о мере исторической инерции, мере приемлемых изменений в пределах локальной культуры делают явными для писателя некоторые скрытые механизмы истории в сфере способности общества к изменениям, способности критически относиться к исторически сложившемуся опыту и одновременно накапливать все более эффективный опыт. Поставленными в своем творчестве вопросами А.П. Ромашов входит в контекст большой культуры, включается в диалог большого Времени и Читателя.

Таким образом, А. П. Ромашов как творческая личность представляет собой явление локального социокультурного пространства, внутри которого он вступает в диалог со своим временем и близкими ему людьми. Воспитание, знакомства, встречи, работа сыграли огромную роль в личностном становлении А. П. Ромашова, в формировании его мировоззрения. Но то, что Ромашов стал именно писателем, которого интересовали историософские вопросы и проблемы, а не историком, философом и т. д., во многом зависело от способов реализации его индивидуальных сущностных сил и личных интересов.

Имея способность и возможность эстетически выразить художественно оформить свои творческие замыслы, А. П. Ромашов затрагивает актуальные проблемы современности, но рассматривает их на конкретном материале, а именно – на примере, опять же, локального пространства уральского региона, создавая художественный образ исторической действительности.

Духовно-творческая деятельность Ромашова – писателя органично вписывается в контекст окружающей его культуры. Обладая аналитическим складом мышления, хорошо оперируя конкретно-историческими знаниями, Ромашов понимал процессы, которые происходили в обществе (отказ от культа личности, послевоенный период, «оттепель», «застой», соцреализм), и представлял, что за ними стоит и чем они могли закончиться. В силу сложившейся историко-культурной ситуации сказать, а тем более заявить об этом даже на страницах своих произведений не представлялось возможным. Подвергнуть критике живую повседневность и создаваемую государством иллюзию благополучной реальности было равнозначно отказу от писательского промысла.

Интеллектуальный потенциал автора и долговременное продумывание художественных образов в соответствии с тем материалом, который тщательным образом отбирался и систематизировался, позволили А.П. Ромашову создать многочисленные произведения, на страницах которых прочитывается актуальная проблематика современности, представителем которой является сам автор.

Видение истории конкретной личностью иногда во многом определяет отбор происходящих событий: из отдельных видений складывается объективная картина действительности, а ее эстетическое преломление в творчестве писателей, художников, скульпторов и т.д. позволяет жить истории в художественных образах.